

Слава в сети, подобно случайно обретенному меду, продолжала оставлять сладкое послевкусие в глубине души Шэнь Цинцы. Тот восторг, который незнакомцы изливали на Цинцин, не только не угас со временем, но, напротив, каждый раз, когда он оставался один, извлекался на свет и смаковался, становясь драгоценной подпиткой для того скрытого от всех «я».

Вернувшись в безопасный дом на верхнем этаже и сбросив с себя доспехи Шэнь Цинцы, он больше не испытывал прежнего чувства вины или нервозности. На смену им пришло ожидание, граничащее с ритуалом, и радость от предстоящей встречи со старым другом — Цинцин.

Сегодня вечером в его сердце бурлил творческий порыв, куда более мощный, чем раньше. Успех первого видео стал ключом, отворившим наглухо запертую заслонку в глубине его души. То, что вырвалось из-за двери следом, было не просто удовлетворением от признания, но и более первобытным, смелым желанием — он хотел большего. Больше похвал, больше внимания, больше... освобождения.

Он желал показать иную Цинцин. Уже не ту загадочную богиню, играющую ноктюрны с налетом легкой меланхолии, а нечто более активное, эффектное и... сексуально привлекательное.

Эта мысль заставила его сердце биться чуть чаще — не от страха, а от возбуждения. Он вошел в секретную комнату, скользнул взглядом по вешалкам и наконец остановился на вещи, которую почти никогда не решался примерить, — ало-красном шелковом платье на одно плечо.

Красный — цвет предельно яркий, исполненный вызова и соблазна. Шелковая ткань, мягкая и плотно облегающая, почти как вторая кожа. Фасон на одно плечо обнажал четкую линию ключицы и плеча, а высокий разрез на юбке сулил бесконечную демонстрацию красоты при каждом движении. Это был наряд, созданный для светских раутов и ослепительных софитов, совершенно неуместный в этой скрытой спальне, но именно поэтому он так соответствовал его текущему настроению — желанию преступить запрет.

— Будь по-твоему, — прошептал он сам себе, касаясь пальцами прохладного гладкого шелка, глаза его искрились предвкушением.

Процесс переодевания стал похож на прелюдию перед тщательно подготовленным выступлением. Он кропотливо надел подходящее черное кружевное белье, выбрал корсет с сильной поддержкой и моделирующим эффектом, чтобы еще сильнее подчеркнуть линию талии. А затем осторожно накинул красное платье.

Шелк заструился по коже, плотно облепив каждый изгиб. Открытое плечо делало линию ключиц изящной и уязвимой. Под высокий разрез он надел черные чулки с мелким кружевным узором, создав с красным платьем контрастное, вызывающе сексуальное сочетание.

Он встал перед зеркалом.

Отражение заставило его затаить дыхание.

Жгучий красный цвет сделал белизну его кожи еще заметнее, а крой платья, подчеркнутый корсетом, довел преимущества фигуры до предела — широкие плечи, тонкая талия, полные линии бедер, длинные ноги, то и дело мелькающие в разрезе. Он не надел парик, короткие черные волосы выглядели опрятно и решительно, создавая невероятно сильный резонанс с этим подчеркнуто женственным образом, но при этом неожиданно порождая некое высшее, за пределами пола, очарование.

— Цц, — он наклонил голову, глядя на себя в зеркало, и губы его тронула усмешка, полная самоиронии и безграничного удовлетворения, — Шэнь Цинцы, ты и впрямь... настоящий соблазнитель от природы.

В этот раз он не стал выбирать фортепиано. Он хотел более прямого самовыражения через тело. Он настроил штатив для телефона, фоном служила однотонная стена, свет по-прежнему тщательно контролировался, фокусируясь лишь на средней и нижней частях тела, обеспечивая скрытность лица и деталей интерьера в тени.

Музыку он выбрал уже не классическую, а электронную — с двусмысленным ритмом, пронизанную пульсацией и эфирным женским напевом; атмосфера была смутной и манящей.

Нажал кнопку записи.

Зазвучала музыка. Он глубоко вдохнул и закрыл глаза. Он больше не думал о технике, не беспокоился о позах, а просто позволил себе погрузиться в такты музыки, раствориться в образе Цинцин.

Он начал плавно покачивать телом в такт мелодии.

Сначала это были легкие движения, покачивания талией, заставлявшие красные шелковые складки колыхаться, словно пламя. Затем движения становились размашистее: он развернулся боком, медленно поднял руки над головой, демонстрируя плавные линии от кончиков пальцев до плеч, живот, затянутый в корсет, вздымался в такт дыханию. То он обращался лицом к камере, пальцами небрежно касаясь края разреза на юбке и скользя вниз по текстуре чулок — жест был полон намеков; то поворачивался спиной, бросая взгляд через плечо (хотя камера не могла захватить его лицо), изгиб талии и бедер в красном платье вырисовывался захватывающей дух дугой.

Его танец не был профессиональным, скорее это был естественный язык тела, полный приглашения. Каждое движение изо всех сил подчеркивало сексуальность и очарование: вытягивание шеи, акцент на ключицах, виляние бедрами, грация, с которой переступали длинные ноги в кружевных чулках.

Он был полностью поглощен удовольствием от этой откровенной демонстрации собственного

обаяния. Алкоголь, музыка, наряд и та выпущенная на свободу, жаждущая внимания Цинцин в глубине души — все это вместе привело его в состояние, близкое к экстазу. Он наслаждался этим неповторимым очарованием, рожденным из соединения мужской брутальности и женской мягкости, наслаждался тем возбуждением, которое дарило проецирование самых тайных желаний перед объективом под защитой анонимности.

Видео вышло недолгим, чуть более двух минут. Когда музыка затихла, он замер в последней позе, тяжело дыша, грудь вздымалась, на щеках проступил румянец от нагрузки. Он посмотрел в камеру (хотя лишь в направлении объектива), взгляд был затуманен, а на губах играла негласная, победная улыбка.

Остановил запись.

Он нетерпеливо открыл предпросмотр. Изображение на экране оказалось даже более впечатляющим, чем он ощущал сам. Красный подол, словно танцующее пламя, окутывал тело, полное напряжения и соблазна. Свет и тень сделали линии его ног невероятно длинными, каждое движение было пропитано двусмысленностью. И хотя лица видно не было, всепоглощающая сексуальность, женственность и манкость, казалось, вот-вот прорвутся сквозь экран.

— Идеально, — прошептал он, на сей раз в искреннем восхищении собой. Он уже представлял, какой фурор произведет это видео, стоит ему появиться в том маленьком анонимном сообществе.

Почти не раздумывая, он вошел в свой дополнительный аккаунт. Немного подредактировал видео и добавил более прямолинейный, провокационный заголовок: Красный танец: Обжигающая тень.

Затем нажал Опубликовать.

В этот раз не было ни страха, ни колебаний — на их месте поселилось предвкушение... и желание похвастаться. Напоминая проказливого ребенка, добившегося своего, или коллекционера, наконец представшего со своим сокровищем перед публикой, он ждал возгласов и восторгов аудитории.

Он вышел из приложения, не спеша сразу проверять реакцию. Он знал, что похвалы придут, как и в прошлый раз. Он подошел к окну и посмотрел на залитый огнями город, все еще оставаясь в том ослепительном красном платье. Огромное чувство удовлетворения и силы наполняло его тело и мысли.

Он, Шэнь Цинцы, днем — холодный и властный делец, а ночью — анонимный соблазнительный «божество» в сетевом пространстве. Этот крайний контраст и двойная жизнь не разрывали его на части, а напротив, подарили ощущение небывалой целостности и могущества.

Он наслаждался счастьем Цинцин и упивался похвалами из незнакомого мира. Это стало его тайным садом, где он скрывался от давления реальности, источником энергии, позволяющим не падать духом.

Что касается будущего, того возможного брака по расчету... он пока не хотел об этом думать. В эту минуту ему хотелось лишь утонуть в этой роскошной и опасной игре, которую он вел сам.

Красный танец: Обжигающая тень был брошен в ночную мглу. А круги по воде начинали расходиться вновь.

<http://bllate.org/book/20970/2128512>